

- ¹⁶ Shumylo-Tapiola O. The Eurasian Customs Union : Friend or Foe of the EU? // Carnegie Europe. 3 October 2012. URL: <http://www.carnegie.ru/publications/?fa=49548> (дата обращения: 25.01.2014).
- ¹⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.). Официальный сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 06.02.2014).
- ¹⁸ Снежанова Л. Н. Приграничное сотрудничество в Российской Федерации // Национальный институт развития современной идеологии. URL: <http://www.nirsi.ru/80> (дата обращения: 26.01.2014).
- ¹⁹ Eastern Partnership Territorial Cooperation Support Programme. URL: <http://www.eaptc.eu/en/eaptc-program.html> (дата обращения: 08.02.2014).
- ²⁰ Время переосмыслить Восточное партнерство : доклад местных и региональных органов власти Восточного партнерства Саммиту глав государств и правительств Восточного партнерства. Вильнюс, 2013. URL: http://cor.europa.eu/en/activities/corleap/Documents/political_report_ru.pdf (дата обращения: 18.02.2014).
- ²¹ Eastern Partnership Territorial Cooperation (December 2012 – December 2013): Newsletter, January 2014. URL: http://tric.info/file/eaptc_newsletter_issue%201_dec%202012-dec%202013_eng.pdf (дата обращения: 14.02.2014).

УДК [94:327](47+73+47-12)\20\

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ НА НОВОМ ЭТАПЕ НЕОКОНСЕРВАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ (2003 Г.)

С. Ю. Шенин

Саратовский государственный университет
E-mail: shenins@yahoo.com

Статья посвящена изучению процесса формирования новых политических условий в каспийском регионе после окончания операции «Иракская свобода» в мае 2003 г. В контексте американских и российских стратегических планов в регионе анализируются отношения местных властей в таких странах, как Азербайджан, Грузия и Казахстан, к политике Москвы и Вашингтона, а также влияние новых условий на российско-американские отношения.
Ключевые слова: США, каспийский регион, транскавказский нефтепровод, Россия, военные базы, «цветные революции».

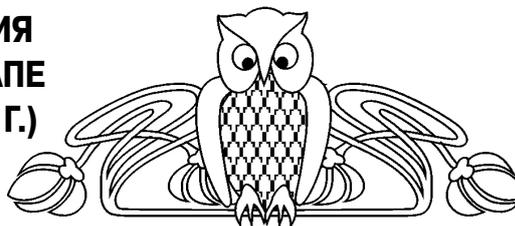
Russian-American Relations in the Caspian Region during a New Stage of the Neoconservative Strategy (2003)

S. Yu. Shenin

The article is devoted to the study of forming the new political environment in the Caspian region after the completion of the «Operation Iraqi Freedom» in May 2003. In the context of the American and Russian strategic plans, the attitudes of the Azerbaijan, Georgia and Kazakhstan governments towards Moscow and Washington policies, as well as the influence of the new political environment on the Russian-American relations are also analyzed.

Key words: United States, Caspian region, trans-caucasian pipeline, Russia, military bases, «color revolutions».

Как известно, администрация Дж. Буша-мл. после террористических атак 11 сентября 2001 г. перевела свою внешнюю политику на неоконсервативные рельсы. Администрация уверенно шла по пути решительного реструктурирования геополитических пространств с целью перекрыть карту мира и увековечить американскую гегемонию за счет колоссального военного преимущества.

Контроль над Афганистаном и Ираком (после завершения операции «Иракская свобода» в мае 2003 г.) позволял американским неоконсерваторам сделать следующий шаг: осуществить в важнейшем регионе Каспийского моря геостратегический мега-проект, целью которого было максимально ослабить здесь влияние России и Ирана, получить плацдарм давления на них, а также на Китай. Это было необходимо для того, чтобы оторванную от России Центральную Азию объединить экономическими и стратегическими узами с Афганистаном, а потом этот регион, чуть позже получивший название «Большая Центральная Азия», должен был стать составной частью интегрированного «Большого Ближнего Востока».

Главным элементом указанного мега-проекта должно было стать строительство энергетического коридора Восток–Запад. В рамках этой стратегии в каспийском регионе в апреле 2003 г. началось строительство трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), который нес очевидную и гигантскую геополитическую нагрузку, ибо должен был вывести страны Прикаспия из-под влияния Москвы и Тегерана. Являясь своеобразной каспийской «берлинской стеной», трубопровод создавал экономические условия для усиления здесь влияния США.

Естественно, эти планы не были оставлены без внимания московской политической элиты, которая понимала их критическую важность. В российском экспертном сообществе немедленно началась дискуссия по поводу того, как реагировать на эту новую активность администрации Буша-мл. Общее мнение заключалось в том, что Москва еще очень слаба для того, чтобы противо-

стоять попыткам выдавливания из региона своего «южного подбрюшья», особенно в момент, когда влияние и авторитет США значительно усилились после успеха в Ираке.

Исходя из этой общей мысли, сформировались три точки зрения. Одна из них (наиболее отчетливо она была сформулирована В. Кременюком, заместителем директора Института США и Канады РАН) говорила о том, что США в регионе решают крайне важную проблему сдерживания исламского фундаментализма и терроризма, которую Россия не могла решить самостоятельно, но которая могла стать смертельной угрозой для нее. Поэтому Москва должна рассматривать Вашингтон в качестве стратегического партнера в регионе и, «сменив тон», действовать совместно, в том числе и по вопросу строительства БТД. В противном случае мог произойти жесткий конфликт, который не сулил России ничего хорошего.

Другие эксперты (например, В. Игрунов, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам СНГ) считали, что Россия должна противостоять США в регионе, для чего привлечь в свой лагерь Европу и Китай, которые являлись конкурентами и могли стать противовесом глобальному «имперскому центру». Кроме того, необходимо было усиливать двухсторонние отношения со странами региона, чтобы у них была возможность маневрировать и не поддаваться всецело американскому давлению.

Наконец, третья точка зрения (ее придерживался, например, политолог Д. Орешкин, руководитель аналитической группы «Меркатор») заключалась в том, что, поскольку Россия не может ничего противопоставить США, она должна оставить прикаспийские республики в покое и сконцентрироваться на решении своих внутренних вопросов до тех пор, пока США, проводящие в этих странах политику поддержки авторитарных правителей – местных «сукиных сынов», – не дискредитируют себя и не поднимут там волну антиамериканских настроений. А до того времени Москва должна была пестовать свою главную опору в прикаспийских республиках – многомиллионную русскоязычную диаспору, которая впоследствии могла стать главным инструментом борьбы с американским влиянием¹.

Однако Кремль эту дискуссию проигнорировал, ибо уже формировал свою стратегию. В целом он был согласен с общей повесткой дня глобального сотрудничества, которая была предложена В. Путину во время саммита в Крофорде (Техас) в ноябре 2001 г. и предполагала интеграцию России (в первую очередь, энергетическую) в состав западного сообщества. Тем не менее, Москва была не согласна с постановкой вопроса об интеграции в обмен на уход из сфер влияния в каспийском регионе. Фактически, такой подход означал ослабление диверсифицированности российской энергетической системы и монопольный контроль над ней Запада, в первую очередь, США,

что повышало уязвимость и без того ослабленной экономики России.

Соответственно Кремль выбрал стратегию активного противостояния политике изоляции России от ее «южного подбрюшья», правда, не на всем протяжении «прикаспийского фронта». В Центральной Азии Москва не возражала, чтобы пока все оставить как есть – ее устраивали «крофордское равновесие», в рамках которого между РФ и США здесь были поделены сферы влияния. Саммиты, состоявшиеся осенью 2003 г. в Санкт-Петербурге и Кэмп-Дэвиде, вроде бы подтвердили правомерность этого дележа. Поэтому российские официальные лица раз за разом повторяли, что американские базы в Центральной Азии Кремль пока не беспокоят, и они могут остаться, ибо играют важную роль в сдерживании исламизма, но только на время антитеррористической операции в Афганистане². С другой стороны, терроризм и борьба с ним американцев в регионе дали Москве предлог создавать здесь свои базы (в Киргизии и Таджикистане) и активно укреплять ОДКБ³.

Особые надежды на поддержание в Центральной Азии статуса кво (а в перспективе и вытеснения США из региона) Москва возлагала на расширение сотрудничества с Пекином. С приходом к руководству КНР Ху Цзиньтао российско-китайское сотрудничество взлетело на новые высоты. Так, во время его первого визита в Москву (май 2003 г.) наметился по сути стратегический союз между двумя державами, который включал в себя сотрудничество по самым разным направлениям, – от строительства нефтепровода Ангарск–Дацин до совместных космических проектов. Наконец, СМИ отмечали, что «Россия и Китай обеспокоены тем, что США не останутся на Ираке, и необходимость оказать сопротивление сближают их еще сильнее» (Лузянин)⁴.

Крупнейшие российские эксперты (например, Г. Чуфрин и С. Лузянин) подчеркивали, что сотрудничество с Китаем для России «более важно, чем с США». Самым сильным стимулом для такого сближения, особенно после Ирака, стал антиамериканизм и угроза формирования однополярного мира во главе с США, что прямо признал в Москве Ху Цзиньтао⁵. Правда, против временного антитеррористического присутствия Америки в Центральной Азии Пекин тоже пока не возражал, ибо исламизм представлял реальную угрозу и западным районам Китая, в первую очередь, Синьцзян-Уйгурскому автономному округу⁶.

Главным инструментом противодействия потенциальной американской гегемонии в Центральной Азии оставалась ШОС, которая укреплялась все новыми проектами. Ху Цзиньтао добился того, чтобы к вопросам безопасности был добавлен и аспект многостороннего экономического сотрудничества, в рамках которого предлагалось формировать в регионе зоны свободной торговли. Россия понимала угрозы для себя – со временем китайцы вытеснят из региона не только США, но

и РФ. Поэтому Кремль старался ограничить экономическую деятельность Пекина в Центральной Азии энергетикой, в рамках которой китайцам предлагалось вытеснить западные компании⁷.

Тем не менее потенциал ШОС оставался пока не раскрыт – это был своего рода «зародыш» антиамериканской организации⁸, которую можно было превратить в полноценный инструмент геополитической обороны достаточно быстро. Пока же министр иностранных дел И. Иванов заявил, что РФ и США не являются противниками в Центральной Азии и не должны ими стать в будущем⁹.

Однако на Кавказе Москва не была настроена столь же примирительно. Транскавказская «берлинская стена» в виде БТД угрожала отрезать от России не только Кавказ, но и со временем Центральную Азию, ибо в этот «энергетический коридор» США планировали направить не только нефтегазовые ресурсы Азербайджана, но в перспективе и углеводороды всей Центральной Азии (через транскаспийские трубопроводы, если транскаспийский не будет построен). Соответственно на середину 2003 г. Кавказ стал самым «горячим» участком «каспийского фронта». Москва стала прилагать здесь все возможные усилия для противодействия БТД, пытаясь нарастить свое влияние в противовес американскому.

В Азербайджане у Москвы дело обстояло хуже всего. Глава республики Гейдар Алиев, по словам специального советника президента Клинтона по каспийской энергетике Р. Морнингстара, считал, что самым выгодным для транспортировки азербайджанской нефти являлся иранский маршрут. Кроме того, он с интересом посматривал в сторону российско-турецкого «Голубого потока» – администрация (в лице представителя госдепартамента по Каспию С. Манна) даже была вынуждена жестко предупредить Баку не пытаться направить по нему свой газ из месторождения Шах Дениз¹⁰.

Все это говорило о том, что Алиев был сторонником балансирования между державами. И тем не менее, он был ближе к США и Западу, рассчитывая через них решить нагорно-карабахскую проблему за счет преференций при заключении нефтяных контрактов, политических уступок Западу, прежде всего США, искусного лавирования между Москвой и Вашингтоном, а также нового фактора в азербайджанской внешней политике – нефтедолларов (за двадцать лет планировалось получить 29 млрд долл.).

Москва явно проигрывала здесь конкуренцию, и поэтому решение Г. Алиева о передаче власти, фактически, по наследству было шансом усилить свое влияние в Азербайджане, поскольку Запад был просто обязан протестовать и требовать чистейших выборов, которых не могло быть, но которые обещал в сентябре преемник (и одновременно премьер-министр) Ильхам Алиев государственному секретарю К. Пауэллу. После этого СМИ в США запестрили заголовками «Династическая демократия», «Монархия во всем, кроме названия» и т. п.

Вашингтон оказался в очень двусмысленном положении. С одной стороны, честные выборы были нужны для обеспечения управляемости и долгосрочной стабильности в этой стране, ибо нефтяные корпорации пришли сюда надолго, а использование построенных трубопроводов также рассчитывалось на десятилетия. Но, с другой стороны, победителем выборов должен был быть только Ильхам, поскольку только он гарантировал реализацию курса отца в краткосрочном плане. Однако его победа не могла быть чистой – в обществе зрело массовое недовольство, связанное с жесточайшей коррупцией и тяжелыми социально-экономическими условиями. Поэтому и без того активная оппозиция имела все шансы выиграть честные выборы.

Кроме того, в отношении Азербайджана, страны, которая, по словам З. Бжезинского, являлась «пробкой в бутылке, содержащей все богатства Каспия и Центральной Азии»¹¹, Москва и Вашингтон пришли к консенсусу, который подразумевал, что власть здесь должна была быть передана гладко, без потрясений. Об этом, в частности, говорили поздравления с назначением на пост премьер-министра, которые Ильхам Алиев получил в начале августа из обеих столиц.

К сентябрю администрация пришла к окончательному выводу, что вариант с «демократическим наследованием» надо поддержать, ибо требование честных выборов в этот критический момент геополитической игры мог заставить азербайджанскую элиту отвернуться от Вашингтона. Корпорации, вложившие миллиарды в разработку каспийских углеводородов, настаивали, что с Ильхамом не будет проблем, не будет пересмотра контрактов и политического бардака. Наконец, и сами Алиевы посылали постоянно сигналы, что предпочитают Вашингтон, что Азербайджан готов вступить в НАТО, принять американские базы, проводить проамериканскую политику на Каспии¹².

К тому же, Алиевы не были уверены в исходе игры, в том, что США поддержат Ильхама, ибо в Америке нарастали протесты против «династической» смены власти, которая противоречила принципиальным целям американской внешней политики. Оппозиция в США указывала, что попытка обеспечить стабильность в Азербайджане антидемократическими методами «династического наследования» ради достижения геополитических целей – независимости региона от России и Ирана – может иметь в долгосрочном плане крайне негативные последствия, а именно дальнейшее сворачивание демократии, усиление авторитаризма, а также укрепление исламистов, ибо без «демократического импульса» общество станет еще более податливым для экстремизма. Американские либералы указывали, что наследование власти Алиевым-сыном, которое поддерживает администрация, предполагает цементирование системы Алиева-отца – «коррупция, взятки и ложь». Эти антидемократические принципы могут усилить авторитарные тенденции по всему региону Прика-

спия, а идея «династического наследования» может таким образом стать, фактически, легализованной и одобренной, причем самим Вашингтоном.

Собственно, мошенничество уже началось, указывали противники данной схемы в США, ибо лидеры оппозиции в Азербайджане были сняты с выборов, а госдепартамент осудил подавление протестов чисто символически. Продолжение такой политики ставило под угрозу долгосрочную стабильность в стране (о которой так много говорили представители администрации) и будущее геополитических проектов, таких, например, как транскавказский энергетический коридор. Выборы должны быть честными, а власть – легитимной, тогда и за американское влияние не нужно будет бояться¹³.

Учитывая наличие таких настроений в США, бакинская правящая элита во главе с Алиевыми побаивалась непредсказуемости Вашингтона, который мог пойти на сговор с азербайджанской оппозицией (если та пообещает игру по нужным правилам). Поэтому для подстраховки, на всякий случай, они решили активизировать игру с Москвой, что должно было стать инструментом давления на Вашингтон. Кремль же надеялся, что если он поможет Ильхаму выиграть выборы, то сможет использовать свой единственный шанс стать ближе, усилить свое влияние на Баку для противодействия дальнейшему укреплению Запада на Кавказе.

В результате, Москва начала закулисные переговоры с представителями Ильхама (в первую очередь, с главой президентской администрации Р. Мехтиевым, который в Азербайджане рассматривался как пророссийский политик) о поддержке и признании выборов 15 октября, даже если во время их проведения будут зафиксированы масштабные фальсификации. Взамен Москва хотела бы институционализировать свое влияние на процесс принятия решений в азербайджанской столице через госсовет или совет безопасности. Естественно, что эта «московская схема» очень беспокоила Вашингтон, поскольку в случае успеха Баку мог уйти из-под его влияния с крайне тяжелыми геополитическими последствиями для США и администрации¹⁴.

В Грузии Кремль проявлял еще большую активность. Кроме чисто пропагандистских вбросов через СМИ информации о том, что США готовят в Грузии (как и в Азербайджане) плацдарм для удара по Ирану, что явно усиливало внутривнутриполитическое напряжение¹⁵, Москва начала и вполне конкретные действия по укреплению рычагов давления на эту страну. Используя тяжелое энергетическое положение Грузии, с помощью РАО «ЕЭС России» и благословения Э. Шеварднадзе, она сумела купить (за 150 млн долл.) тбилисскую электрораспределительную сеть «Теласи» у американской компании «AES», которая, по ее словам, «устала воевать с министерством энергетики Грузии». На протесты грузинской оппозиции американское посольство ответило, что в стране плохой инвестиционный климат, поэтому инвесторы от собственности избавляются¹⁶.

Затем Э. Шеварднадзе и российский «Газпром» договорились создать совместную компанию, которая должна была переправлять газ в Турцию и Армению. Естественно, что это угрожало американским интересам на Южном Кавказе и, в первую очередь, проектам, связанным с освоением месторождения Шах Дениз. Уже 6 июня С. Манн срочно прибыл из Баку в Тбилиси, где напомнил Шеварднадзе, что тот брал обязательства по продвижению газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум (БТЭ) и потребовал, чтобы грузинский лидер отказался от сделки с «Газпромом», ибо США не нравится идея экспорта русского газа через Грузию¹⁷. Шеварднадзе, в свою очередь, заявил, что действует в интересах населения, которому не хватает энергии. Поэтому, пока БТЭ не построен, он будет покупать газ у русских, а после завершения строительства БТЭ на местном энергетическом рынке будет создана конкурентная среда, от чего грузинский народ только выиграет. Шеварднадзе утверждал, что привержен программе сбалансированных отношений США и России: Кавказ должен быть ареной сотрудничества и честной конкуренции, а не конфронтации¹⁸.

Администрация с такой позицией, конечно же, согласиться не могла. Шеварднадзе был обвинен в изменении политического курса на промосковский, а также в разрывывании американской помощи¹⁹. Против президента объединилась оппозиция, которая утверждала, что Шеварднадзе нагнетает напряженность и вступил в войну с парламентом, чтобы уйти от выборов. Накал страстей был настолько велик, что в Грузию, якобы с миротворческой миссией, прибыл сам Дж. Бэйкер. Однако во время своего визита он в основном требовал обеспечения честных выборов, поскольку многие инвесторы делают ставку на эту страну. Американская пресса разъясняла, что если Шеварднадзе попытается выборами манипулировать и попытается решить их исход мошенническим путем, то в такой ситуации трубопроводная стратегия «энергетического коридора Восток–Запад» может рухнуть, ибо наступит хаос, в котором независимые Абхазия, Ю. Осетия и Аджария будут угрожать американским планам на Кавказе. А Москва, которая стала большим игроком на местном энергетическом рынке, сможет через Грузию попасть и на рынок Турции²⁰.

Угроза стратегии «энергетического коридора Восток–Запад» таилась не только в Баку и Тбилиси, но и в Астане. У администрации США, конечно, вызывала озабоченность политика Астаны в отношении стремления пересмотреть СРП²¹ с частными западными компаниями. Но это было не главное, ибо инвестиции в том или ином виде в углеводороды все равно пойдут, и раньше или позже эти споры будут урегулированы. Главным было то, что БТД рассчитывался на казахскую нефть, а участие Казахстана в проекте не было гарантировано: пока вся добываемая нефть на Тенгизе уходила по российским трубам, а место-

рождение Кашаган должно было заработать не раньше 2010 г. Следовательно, в 2005 г. нефти для транспортировки через стратегический трубопровод будет очень мало. Назарбаев признавал, что он обещал поставлять нефть для БТД, но пока стороны не могли договориться по тарифам²².

Более того, появилась угроза, что и после 2010 г. БТД может не получить казахстанскую нефть, ибо наблюдался стратегический разворот Астаны в сторону Пекина. Это было серьезнее, ибо вся нефть с Кашагана могла уйти в Китай. Интерес Поднебесной к казахстанской нефти вырос еще больше после того, как РФ приостановила проект строительства трубопровода из Ангарска в Дацин, а Астана стала явственно посылать сигналы в сторону Пекина о готовности сотрудничать, чтобы предотвратить доминирование США или РФ, т. е. активизировала свою «многовекторную» политики балансирования. Казахстан поддерживал КНР в вопросе Тайваня, выражал озабоченность американской базой в Киргизии и демонстрировал полное неприятие уйгурского национализма. Министр иностранных дел РК К. Токаев прямо указал: «Несмотря на риск, мы должны иметь хорошие отношения с Китаем»²³. А министр энергетики и минеральных ресурсов В. Школьник откровенно заявил, что БТД понадобится Казахстану не ранее 2010 г., а основное внимание будет сосредоточено на строительстве трубопровода Атасу–Алашанькоу²⁴.

Геополитические ставки в этих трех странах для администрации США были слишком высоки, чтобы оставить развитие ситуации на усмотрение «уставших автократов», т. е. Э. Шеварднадзе, Г. Алиева и Н. Назарбаева – политическая переориентация на Москву, экономическая стагнация в регионе, или, «что еще хуже, возврат к старым конфликтам, представлялись недопустимыми»²⁵, поскольку угрожали стратегическому плану администрации – геополитическому мега-проекту реструктурирования всего евразийского пространства.

Поэтому администрация США, во главе которой по-прежнему находились консервативные и неоконсервативные политики, осенью 2003 г. решительно перешла к политике жесткого вытеснения конкурентов, в первую очередь, Москвы из Прикаспия. Эта политика включала в себя приход к власти в прикаспийских странах прозападных политиков с помощью так называемых «цветных революций», демилитаризацию Каспийского моря и решение проблемы его статуса, подключение ресурсов НАТО к планам Вашингтона в регионе и т. д.

Примечания

- 1 См.: Россия использует США в качестве буфера в Центральной Азии // Независимая газета. 30 апреля. 2003. URL: http://www.ng.ru/cis/2003-04-30/5_experts.html (дата обращения: 20.11.2011).
- 2 См.: CIS Defence Body Says US Troops in Central Asia Welcome but not Forever – Interfax news agency, 23 May

2003 // BBC Monitoring Former Soviet Union – Political. May 23. 2003.

- 3 См.: Панфилова В. Россия заново осваивает Центральную Азию // Независимая газета. 23 сентября 2003. URL: www.ng.ru/cis/2003-09-23/5_kirghizia.html?id_user=Y (дата обращения: 20.11.2011)
- 4 См.: Weir F. Budding Allies: Russia and China // The Christian Science Monitor June 4. 2003.
- 5 Ibid.
- 6 См.: Russia Deems US military Presence in Central Asia Justified – Interfax news agency. Moscow. July 03 // BBC Monitoring Former Soviet Union – Political. July 24. 2003.
- 7 См.: Shanghai Group Premiers Hail Beijing Talks – Xinhua news agency. Beijing. September 03 // BBC Monitoring Asia – Pacific. September 23. 2003.
- 8 См.: Politics-Asia : Moscow Seeking Ties in East to Counter U. S. Thrust // Inter Press Service English News Wire. June 18. 2003.
- 9 См.: Central Asia must not Become Area of Russo-US rivalry – Pyramid TV. Bishkek. July 03 // BBC Monitoring Central Asia. July 10. 2003.
- 10 См.: US Official Says Caspian Oil Producers May Face «Serious» Competition from Iraq – ITAR-TASS news agency. Moscow. June 03 // BBC Monitoring Central Asia. June 5. 2003.
- 11 Цит. по: Analysis : A Time of Change for Azerbaijan // United Press International. August 5. 2003.
- 12 См.: Holley D. Dynasty and Democracy – Azerbaijan at a Crossroads // Los Angeles Times. September 7. 2003 ; Cecil C. West seeks smooth handover as Azeri rule passes to son // Moscow Times of London. October 13. 2003.
- 13 См.: Newberg P. Oil-Lubricated Realpolitik Deepens Divisions in an Ailing Caucasus // Los Angeles Times. October 12. 2003.
- 14 См.: Newberg P. Op. cit. ; Cecil C. Op. cit.
- 15 См.: Суслов Д. Буш сколотил антииранскую коалицию // Независимая газета. 29 мая 2003 г. С. 1 ; Georgian Leader Denies USA Using Georgia for Air Reconnaissance of Russia – ITAR-TASS news agency, Moscow. 14 July. 2003 // BBC Monitoring Former Soviet Union – Political. July 14. 2003.
- 16 См.: Georgian President «Outraged» by American Firm's «Secret» Deal with Russia – Georgian Radio, Tbilisi, 14 August. 2003 // BBC Monitoring Newsfile. August 12. 2003.
- 17 См.: Mairowitz D. Outpost of the New Cold War // The Progressive. 2004. Vol. 68, № 4. P. 2 ; Feature : Turkey's Energy Disputes // United Press International. June 26. 2003.
- 18 См.: Georgian President «Outraged»...
- 19 См.: Analysis: Putin Steers Russia's Resurgence // United Press International. October 9. 2003.
- 20 См.: Newberg, P. Op. cit.
- 21 Соглашение о разделе продукции.
- 22 См.: Pope H. Balancing Act Gives China a Key Role // Wall Street Journal. November 21. 2003.
- 23 Ibid.
- 24 См.: Interview with Kazakh Minister Shkolnik // United Press International. December 21. 2003.
- 25 См.: Newberg P. Op. cit.